

А.В. ШИПИЛОВ

ДЕМОКРАТИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

ШИПИЛОВ Андрей Васильевич – кандидат культурологии, доцент кафедры философии Воронежского государственного педагогического университета.

Многие исследователи, анализирующие феномены нации и национализма в социо- и культурно-историческом аспекте, в той или иной мере связывают их с демократизацией социально-политической сферы европейских и неевропейских обществ и государств в течение двух-трех последних столетий [1]. Националистическое сознание

с теми или иными элементами этноцентризма и ксенофобии, противопоставляющее "нас" – "им", оказывается так или иначе связанным с демократическими институтами, из чего, представляется, можно выдвинуть гипотезу о существовании корреляции между демократией и интолерантностью в межэтнических, межнациональных отношениях.

Эта гипотеза противоречит широко распространенным взглядам о толерантности как неотъемлемой принадлежности демократии. Так, Ю. Хабермас считает связь между национализмом (соответственно, и его последствиями в сфере межнациональных отношений) и "республиканизмом" исторической случайностью [2]. Придерживаясь концепции гражданской нации, индифферентной к своему этническому, языковому, культурному наполнению, Хабермас считает, что демократия, конституционализм, либеральная политическая культура отнюдь не должны "основываться на фундаменте общих для всех граждан этнических, языковых и культурных истоков" (там же, с. 222). Можно сказать, что демократия по Хабермасу не имеет национальности, это специфически политическая универсальная система, в рамках которой могут объединяться люди любой этнокультурной и лингвистической принадлежности, от которых требуется только политическая аккумуляция, образующая лишь часть социализации. Демос автономен от этноса, и демократия предполагает полиэтничные демосы и мультидевичные этносы, существующие в рамках своего рода денационализированных национальных государств; демократия антиэтнократична, а этнократия антидемократична. Нам представляется, что историческая и современная реальность выглядят все же несколько иначе (что, в принципе, признает и сам Хабермас), а данная концепция взаимоисключающих политической и этнической идентичностей имеет характер, так сказать, должного, а не сущего.

По-иному подходит к проблеме Р. Инглхарт. Он считает, что демократия тесно связана с определенным типом системы ценностей и в целом культуры [3]. Инглхарт провел сопоставительный анализ 60 стран мира, распределив их по культурным зонам в зависимости от того, традиционная или секулярно-рациональная культура преобладает в той или иной из них. Соответственно, для культур первого типа преобладающими являются "ценности выживания", среди которых доминируют такие негативно оцениваемые установки, как невнимание к равенству полов, отсутствие межличностного доверия, нетерпимость к инакомыслящим и т.п., для культур второго типа – прямо противоположные "ценности самовыражения". Затем автор сравнил позиции конкретных стран, занимаемые ими на шкале "выживание–самовыражение", с позициями, занимаемыми ими по уровню развитию демократии, и выяснил, что общества, занимающие передовые позиции в рейтинге "выживание"/"самовыражение", являются устойчивыми демократиями, а прочие страны управляются авторитарными режимами [там же, с. 124]. Иными словами, "демократия делает людей здоровыми, счастливыми, терпимыми, доверяющими друг другу" [там же]. Одновременно выясняется, что демократия вместе с сопутствующими ей позитивными ценностями присуща в основном экономически развитым странам. Таким образом, экономический прогресс ведет к демократии, а демократия – к толерантности (в том числе и к этнической толерантности).

Нам представляется, что реальность и, в частности, интересующая нас реальность этнонациональной толерантности/интолерантности, вовсе не так однозначна. В таких более чем благополучных с точки зрения экономического развития и уровня демократизации странах, как Канада или Бельгия (умолчим об Италии, Испании и др.), межэтнические отношения нельзя безоговорочно назвать толерантными; с другой стороны, демократические режимы исторически достаточно часто возникали, да и просто существовали в странах, весьма далеких от экономического прогресса и процветания. Растоу, например, считает, что для демократии не требуется какого-либо минимального уровня экономического развития и социальной дифференциации [4]. Российская империя XVIII в. не была ни демократической, ни сколько-нибудь существенно продвинувшейся на пути экономического прогресса (весьма расплывчатое

понятие) страной, но по степени толерантности во взаимоотношениях этнокультурных групп превосходила куда более развитую и в экономическом, и в политическом отношении Британскую империю.

Показателен анализ функций этноцентризма в национально-этнических отношениях, данный В.С. Рахманиным [5]. Этноцентризм, по его мнению, выступает существенным социопсихологическим и социокультурным источником национально-этнических конфликтов; однако без этноцентризма нет этноса, и исчезновение этноцентрического комплекса представлений означает этническую деидентификацию (правда, последняя не тождественна национальной идентичности, если нацию понимать как гражданство). Бывает и позитивный этноцентризм, не включающий в себя комплекс презрения к иным этническим группам. Как считает автор, расширение общения, плодотворного взаимодействия ослабляет негативные комплексы этноцентризма и даже разрушает их, сохраняя позитивные. Негативный акцентуированный этноцентризм обычно суть следствие борьбы государств за территорию и ресурсы, или результат ущемления прав национальных меньшинств, или производное от неравномерности уровня социально-экономического развития разных народов, влияющего на формирование у более развитой общности чувства превосходства по отношению к менее развитой, – как думает Рахманин. Но главная причина – в отсутствии демократии [там же, с. 124]. Демократия создает "толерантный этноцентризм", стимулирующий любопытство к чужой культуре и не стимулирующий враждебность; последняя всегда ситуативна, обусловлена разного рода экономическими и психологическими факторами, в то время как межнациональная толерантность не ситуативна, а неким фундаментальным образом связана с демократией. Демократизация ведет к толерантности, а толерантность – к демократии.

Логично ли приписывать негативный этноцентризм изолированным этносам? У жителей отдаленных островов, оазисов и горных долин, в минимальной степени контактирующих с иноэтническими и инокультурными группами, минимальна и сама основа для противопоставлений типа "мы – они", и наоборот, данная оппозиция неизбежна для самоидентификации плотно контактирующих с "чужими" этногрупп. Многие авторы (В.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, В.А. Авксентьев, Ж.Т. Тощенко [6]) говорят даже об "этническом парадоксе современности", заключающемся в том, что чем выше степень интернационализации экономической и социально-политической жизни, чем ближе становятся друг другу этнокультурные группы, тем более значительной становится роль национального самосознания и этнической идентификации с естественно присущим им этноцентризмом. Безусловно, акцентуированный этноцентризм можно трактовать как следствие конкурентных или конфликтных отношений, истоки которых лежат в той или иной внеэтнической плоскости, но сам факт акцентуирования говорит о наличии того, что акцентуируется, и этот латентный, но неизбежный этноцентристский комплекс сложно объяснить с помощью, например, фрейдистских или бихевиористских теорий психики отдельно взятого индивида.

По словам И.Е. Кудрявцева, "национализм и демократия способны создавать друг друга" [7]. В этом есть доля истины вне зависимости от того, интерпретировать ли это соотношение как причинно-следственное, структурно-функциональное или корреляционное, а также от того, считать ли национальное единство условием демократизации. Так думает, например, Раствоу, в своей динамической модели перехода к демократии постулирующий логико-хронологическую последовательность "от национального единства как подосновы демократизации, через борьбу, компромисс и привыкание – к демократии" [4, с. 14]. Существует мнение конструктивистов о том, что новые элиты в борьбе за власть со старыми мобилизуют народные массы с помощью националистической идеологии, а уже затем "национализм порождает нации".

Суть в том, что сам принцип демократического устройства требует четкого определения пределов гражданского сообщества. Демократия – это система правления временного большинства. Действительно, национальный суверенитет предполагает четкое однозначное определение суверенного народа, ибо факт принадлежности к

нации означает право участия в политической жизни; соответственно, действующие как социальные маркеры этнокультурные различия националистически политизируются, становятся значимыми в политическом контексте. Это ведет к необходимости разграничения/отграничения от других групп, социопсихологически достигаемого за счет акцентуации этноцентристского комплекса; можно сказать, что этноцентризм не всегда предполагает демократию, но демократия всегда предполагает этноцентризм в той или иной форме и степени.

Эгберт Ян достаточно подробно анализирует, как принцип народного суверенитета становится источником национализма. По его мнению, "и национализм, и демократия – производные одной и той же фундаментальной исторической идеи, а именно: идеи суверенитета народа" [8], "национализм начинается с перехода от династического к народному суверенитету, от Божьей милости к воле народа" [там же, с. 35]. Из идеи суверенитета возникают две трактовки понятия "нация": суверенная нация в первом понимании противопоставляется династическому государству, во втором – государству многонациональному; обе позиции не столько исключают, сколько предполагают друг друга, так как династическое государство и есть, как правило, государство многонациональное (полиэтническое). Обе эти нации, "вертикальная" и "горизонтальная", представляют собой обычно одну и ту же группу людей, конституирующуюся в разных модальностях в зависимости от политического контекста, причем в обеих модальностях группа стремится к достижению внутренней однородности и отграничению от других либо этнической (в особенности, языковой), либо государственно-правовой границей.

Демократия этнократична, а этнократия демократична, по мнению Янга. С одной стороны, "демократическая (минимальная) этнократия не нуждается в правовом неравенстве, напротив, она опирается на правовое равенство людей, существенно неравных лишь в одном отношении – этнически-языковом" [там же, с. 45]. С другой стороны, демократия предполагает равенство граждан, однако не все граждане имеют равные права в одном чрезвычайно существенном отношении – а именно, языковом: у языковых (т.е. этнических) меньшинств есть все права, кроме права быть понятыми. "Поскольку в государстве не может быть нескольких господствующих языков, – указывает Ян, – любая демократия – это всегда еще и этнократия, господство одной этнонации над собой и – одновременно – над этническими и национальными меньшинствами" [там же, с. 37].

К этому можно добавить следующее. Демократия – это институционализируемая форма социального конфликта, она по своему содержанию предполагает политическую борьбу социальных групп и индивидов, поэтому для того, чтобы борющиеся группы были в состоянии сохранить общность, а не разорвали ее в ходе этой борьбы, им необходим базовый консенсус, функцию которого и исполняет этнокультурное единство, имеющее этноцентрическую социопсихологическую основу и семантизирующееся в националистическом дискурсе. Социально-политический партикуляризм предполагает национально-этнический унитаризм, и наоборот, но если последнее характеризовало жизнь полиэтнических династических государств-империй, в которых строжайше контролировалось политическое единство при полном равнодушии к национально-этнической раздробленности, то первое характеризует жизнь национально-демократических государств, где все обстоит прямо противоположным образом. Общество способно существовать как целостность только в том случае, когда этническая и политическая плоскости, на которых размещаются противостоящие группы и страты, перпендикулярны друг другу (или, по крайней мере, между ними есть хоть какое-нибудь несовпадение, угол, зазор), если же они полностью совмещаются, ему не избежать распада. Терпимость к политическим противоречиям, политическому антагонизму социальных групп достигается за счет нетерпимости к противоречиям национальным, и наоборот.

Сравним это наше предварительное заключение с позицией М. Уолцер. Он анализирует, в каких исторически существовавших и существующих социально-политиче-

ских организациях реализовывалось толерантное отношение к группам, отличающимся своими культурно-религиозными институтами и образом жизни, т.е., по сути дела, – этнокультурным группам. Он называет пять толерантных режимов: многонациональные империи, международное сообщество, консоциативное устройство, национальное государство и иммигрантское общество. Древнейшим из всех этих типов (и наиболее долго просуществовавшим) является многонациональная империя: в государствах имперского типа "на правах автономных или полуавтономных образованных существовали различные группы, имевшие как политико-правовой, так и культурно-религиозный характер и осуществлявшие самоуправление по значительному числу видов своей жизнедеятельности" [9].

Имперский режим не разрушает отдельные группы – напротив, он рассматривает индивида именно с точки зрения его групповой этнорелигиозной идентичности и тем самым поддерживает автономию групп, их закрытый характер. В то же время разного рода диссиденты, космополиты, лица, по тем или иным причинам утратившие исходную групповую идентичность, выходцы из разных общин стекаются в имперскую столицу, "которая благодаря этому переселению, как правило, превращается в весьма толерантное и либеральное место" [там же, с. 31]; в той или иной степени это характерно и для других крупных имперских городов, зачастую представляющих собой мультикультуральные организмы. Таким образом, как считает Уолцер, терпимость легче всего сохранять в условиях четко обозначенных и общепризнанных отношений политического господства и подчинения.

Таковых отношений как раз не оказывается в международном сообществе и в консоциативных устройствах. Международное сообщество – это, конечно, не какое-то реальное общество и не внутренний режим; но это все же режим, и режим до некоторой степени толерантный – имеется в виду, что толерантной можно считать позицию невмешательства во внутренние дела суверенного государства, признанного в качестве такового всем международным сообществом или определенной его частью. Консоциативные устройства – это государства, в которых на конфедеративных или федеративных началах сосуществуют этнические, конфессиональные и др. группы, размеры и степень внутренней интеграции которых очень значительны, так что в принципе они способны существовать и в качестве национальных государств. Такие сообщества выступают наследниками империй, могут быть рассмотрены как нечто промежуточное между последними и национальными государствами и отличаются невысокой стабильностью. Это не значит, что национальное государство, особенно с либеральным и демократическим режимом, не может быть толерантным к меньшинствам, хотя такая степень толерантности, какая была присуща империям, где меньшинства получали чуть ли не полную автономию во всех сферах жизни, кроме политической, для национального государства невозможна. Демократическое национальное государство толерантно, но не к меньшинствам как к интегрированным и организованным сообществам, а к отдельным гражданам как атомизированным индивидам. Политика государства, воспринимающего гражданина как отдельного индивида, объективно направлена на дробление такого рода групп и ослабление внутрigrупповых связей. Последняя из моделей сосуществования, в рамках которых возможны отношения толерантности – это иммигрантское общество (автор имеет в виду, прежде всего, США). Такое государство еще в большей степени, чем национальное, склонно рассматривать всех граждан как индивидов, а не как членов отдельных групп; любые проявления корпоративизма однозначно исключаются.

В обществе, политическая организация которого строится на относительно максимальном гражданско-правовом неравноправии групп элиты и массы, противопоставление "высшие – низшие" при идентификации и категоризации индивидом себя и других как членов определенных групп получает приоритет над противопоставлением "свои – чужие". Внутренние различия здесь важнее внешних, стратификационные градации более значимы, чем этнокультурные различия, правовая гетерогенность важнее этнической гомогенности. При этом для маркировки социальной дистанции

между элитой и массой, правящими и управляемыми, господствующими и подчиняющимися используются те же самые артефакты культуры, что обозначают межэтнические границы, так что высшая и низшая (условно) страты образуют собой нечто вроде квази- или псевдоэтносов, объединяющих в себе соответствующие слои различающихся между собой "настоящих" этносов.

В противоположном случае, когда политическая организация общества строится на относительно минимальном гражданско-правовом неравноправии, внешние различия получают приоритет над внутренними, этнокультурные – над сословными, этническая гомогенность становится важнее правовой гетерогенности. Здесь этнокультурная принадлежность становится основанием для получения или лишения политических прав, и уже не сословия выступают как псевдоэтносы, а этносы выступают как псевдосословия. Внутреннее политическое равенство предусматривает внешнее этническое неравенство.

Толерантность в сфере межэтнических взаимоотношений и взаимодействий находится в прямой пропорциональности к интолерантности в сфере межсословных взаимоотношений и взаимодействий, а толерантность в сфере межсословных взаимодействий прямо пропорциональна интолерантности в сфере межэтнических взаимоотношений и взаимодействий. Демократическое общественное устройство предполагает межсословную толерантность и межэтническую интолерантность, авторитарное общественное устройство, наоборот, предполагает межэтническую толерантность и межсословную интолерантность. Так как чисто демократические и чисто авторитарные общества представляют собой не реальные социальные организмы, а идеальные типизации, то степень толерантности или интолерантности в межэтнических и межсословных отношениях определяется тем, каков удельный вес, насколько велика сфера приложения и действия одного или другого способа политической организации в разных сферах жизни каждого данного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См., например: *Геллнер Э.* Нации и национализмы. М., 1991; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998; *Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XX в. Дубна, 1999; *Европейские революции 1848 года. "Принцип национальности" в политике и идеологии.* М., 2001; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 212–215.
3. *Инглхарт Р.* Культура и демократия // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу.* М., 2002. С. 126.
4. *Растоу Д.А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Поэтические исследования.* 1996. № 5. С. 8.
5. Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. *В.С. Рахманина.* Воронеж, 2002. С. 101.
6. *Авксентьев В.А.* Этнические конфликты: история и типология // *Социол. исслед.* 1996. № 12. С. 47; *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М.* Этносоциология: пройденное и новые горизонты // *Социол. исслед.* 2000. № 4. С. 13. *Тощенко Ж.Т.* Этнократия. История и современность. М., 2003.
7. *Кудрявцев И.Е.* "Национальное Я" и политический национализм // *Политические исследования.* 1997. № 2. С. 79.
8. *Ян Э.* Демократия и национализм: единство или противоречие? // *Политические исследования.* 1996. №1. С. 33.
9. *Уолцер М.* О терпимости. М., 2000. С. 28.